

УДК 81'37 : 81'27

ТЕОРИЯ ЗНАЧЕНИЯ КАК ЗНАЧИМОСТИ: «ОСВЕТИМ ЧЕРТОГ ТЕНЕЙ»?

П.П. Дашинамаева

Бурятский государственный университет, Улан-Удэ

Теория значения конкретизируется в рамках актуального семиозиса как переживаемая индивидом значимость. Новизна видения обусловлена психонейролингвистическим подходом к рассмотрению семиозиса.

Ключевые слова: *значение, значимость, переживаемое, актуальный семиозис, психонейрофизиологический, лексикографический, языковой знак, внешняя речь.*

Теория значения, история изучения которой насчитывает путь длиной 2400 лет, остаётся открытой проблемой и сегодня. Тематических проекций-абстракций, представлявших интерес для исследователей и послуживших кирпичиками в великой пирамиде Познания-Значения, можно обнаружить великое множество. На открытость проблемы значения указывают такие взаимоотрицающие признаки, приписываемые ему в литературе, как статичность и динамичность, прозрачность и неувловимость, связанность и несвязанность словом и т.п. В связи с этим неудивительно то, что, по мнению многих ученых, нет надежды даже на формирование дефиниции категории «значение». Мы разводим названные выше характеристики как присущие сущностям разной природы: временная статичность, телесная прозрачность и связанность словом описывают значение как *квант знания – концептуально-семантический*, с одной стороны, *лексикографический*, с другой; динамичность, неуловимость и несвязанность словом – *значимость* как психическую сущность, переживаемую индивидом.

Значение и значимость представляют разные уровни когниции: первое относится к эмпирическому, т.е. к знанию, имеющему апостериорный характер, вторая – к актуальному семиозису «здесь и сейчас». В процессе семиозиса в зависимости от психоэмоциональных, модально-волевых ориентиров говорения первое, хотя и является основой второй, подвергается постоянному «обновлению».

Как нам кажется, основным препятствием, стоящим на пути релевантного описания «духа в машине», является именно неверное представление о речемышлении, называемом актуальным семиозисом. Суть последнего доходчиво, но вместе с тем метафорически ярко, показана

Л.С. Выготским в переформулированном варианте фрагмента стихотворения Осипа Мандельштама: *Я слово позабыл, что я хотел сказать, / И мысль бесплотная в чертог теней вернётся* [1, с.275]: тёмная пещера, где прячется некое живое существо, и его попытки время от времени покинуть свой чертог и показать «свету» свое внешнее обличье «здесь и сейчас», в совокупности и есть актуальный семиозис. Здесь указано на такие его важные составляющие, как невозможность подобрать точное слово, соответствующее мысли, неопределённость мыслительного процесса, связанная недоступностью его полного осознания.

В описании значения многие ученые традиционно идут от внешнего обличья – физически осязаемой составляющей речи. Однако, по нашему мнению, движение от формы к значению противоестественно с точки зрения реального семиозиса, поскольку индивид сначала мысленно переживает некоторую значимость (также и в ситуации восприятия речи), затем вербализует во внешней речи определенную часть помысленного.

Кроме внешней наблюдаемости знака, другим веским обоснованием традиционного описания семиозиса является вера в функциональное единство формы и значения (вспомним двучастную модель значения Соссюра в виде отношения между лицевой и оборотной сторонами листа) – единство, которое по определению подразумевает некую статическую взаимоотношений между внешней и внутренней составляющими речи. При этом на динамику семиозиса указывали еще Платон и Аристотель, у которых понятие логоса многозначно именно «таким образом, что значения тяготеют к разбеганию, не будучи позитивно ведома каким-то основным» [7, с.49].

Почему релевантен термин «значимость»?

Во-первых, он имеет общий корень «значить» с термином «значение».

Во-вторых, в отличие от последнего он изначально несет семантику многогранности, процессности и динамичности.

В-третьих, в нашей попытке по-новому представить теорию значения мы «арендуем» термин, уже функционирующий в философии в подобном ракурсе. В частности, в рамках феноменологии познания Эдмунда Гуссерля и Мартина Хайдеггера под «значимостью» подразумевается некая онтологическая и эпистемологическая сущность: в первом толковании это психическое переживание, данное, исследование которого должно производиться путем редукции языка [2], во втором – «значимое» как порядок сущего, данность вещи, обнаруживаемое путем поиска в предметном содержании и данности субъективного участия и переживания постигающего индивида [8].

Мы расходимся с этими авторами в плане феноменологии, поскольку не подходим к значимости как онтологии вещи, которую нужно

целенаправленно усилием сознания идентифицировать. Нефеноменологическое – непроцедурное – «прочтение» «значимости» представлено у Джорджа Лакоффа: «Значение – это всегда значимость для человека. То, что для меня значимо, всегда связано с тем, что для меня важно» [5, с.244].

Мы конкретизируем значимость у Лакоффа в рамках психонейрофизиологического подхода как начальный ноэтический этап естественного семиозиса. Подобное исследование значения можно метафорически сопоставить с ситуацией «спутниковой карты on-line»: с дальнего расстояния кажется, что город состоит из одинаковых домов или строений и что в городе все статично. Лишь уменьшая масштаб до одного квартала, затем до одного дома, выявляешь, что дома во многом отличаются и что существует в них уникальная жизнь. Так же обстоит дело и со значениями: на уровне обобщения мы говорим о тождестве концептуально-семантических систем носителей одной культуры, с одной стороны, ментальностей и способов мышления, с другой, но на уровне психонейрофизиологической системы отдельно взятого конкретного индивида обнаруживаются единичность концептуально-семантической системы (с общностью лишь в базовых культурных ориентирах, связанных в большей степени с действиями ритуалистического характера) и единичность мыслительно-познавательного процесса, протекающая на основе этой системы. Данная атомарность и отсутствие идеализаций позволяют определять подход как «монадический», к которому сложилось в литературе далеко не однозначное отношение.

Какие особенности присущи значимости при психонейрофизиологическом подходе исследования? Как исходная сущность актуального семиозиса значимость протекает вне контроля сознания, другими словами, она естественна, т.е. нетрансцендентна. Далее она идиоматична, единична, личностно-ориентирована, неопределенна, свободна от языкового знака и, хотя нацелена на акт / результат, тем не менее имеет незаконченный характер.

Для того, чтобы она завершилась, требуется сознательная приостановка мыслительной деятельности: на языке феноменологии данный акт поясняется как прерывание ноэтического потока и обнаружение ноэмы. Для описания этой стадии семиозиса нам удобно использовать более традиционные в лингвистической литературе термины «означаемое» и «смысл». При этом рекомендуем термин *означаемое* заменить на имя *означиваемое* на основании того, что форма несовершенного вида подчеркивает перманентность изменений, имеющих место в мыслительно-познавательной деятельности, и в силу невозможности полной экспликации значимости посредством естественно-языкового кода. Если значимость – это мысль для себя, то означиваемое – это часть значимости, которая должна впоследствии получить вербальную манифеста-

цию, т.е. это мысль для других. В эпистемологическом плане здесь можно привлечь семантическую сущность, называемую в филологии «смыслом», и предположить, что означиваемое обнаруживается как определение смыслов.

Так, смысл как малая часть значимости – это *сознательная* когнитивная деятельность по интраперцепции, в связи с чем следует его назвать интерпретативной единицей. Смыслу присущи большая относительно значимости прозрачность, с одной стороны, но недискретность, связанная с динамикой и идиоматикой перцептивной сущности, с другой, меньшее вовлечение «Я-поведенческого», характерного значимости, устойчивость в плане культурно-аксиологических ориентиров, несвязанность конкретным словом, тогда как значению как лексикографическому кванту знания присущи прозрачность, обусловленная связанностью конкретным словом, дискретность, статичность (в рамках определенного времени), законченность.

Отметим, что последнее как лексикографическое знание ситуативно нейтрально. В условиях автономного «хранения» и активации формы и семантики в коре мозга (что не позволяет поддерживать тезис «Мысль формируется в слове и только в слове!») та или иная лексема, вовлекаемая в завершающий этап нового семиозиса, реализует не свое энциклопедическое значение: ее семантическое наполнение обуславливается вливанием ситуативно-актуальных смыслов переживаемой значимости. В результате функционально-семантическая история лексем обновляется.

Обратимся к похожим идеям из психолингвистики. Согласно А.А. Залевской, слово имеет значение не само по себе, а в силу того, что оно возбуждает определенные психические образы в сознании индивида, поэтому значение как переживание слова неконечно [3, с.198]. В сложном семиотическом процессе слово уподобляется «лазерному лучу», считывающему «голограмму» (мысль) [4, с.119–120]. Последний термин, как представляется, удачно обозначает принцип «вливания» смыслов, богатый, разноплановый, постоянно меняющийся, недискретный характер значимости и невозможность полноценного эксплицирования мысли.

Этап обнаружения знаков, соответствующих мысли, описывается в литературе как становление психологического значения путем превращения семантики одной сущности в семантику другой. Здесь, как нам представляется, удачно привлекается идея М. Мамардашвили о переструктурировании, включающем следующие этапы:

- 1) выключение отношения из связи;
- 2) восполнение его иной предметностью и свойствами (в связи с невозможностью исследования всех связей одновременно, характера функционирования предмета и т. д.);

3) синкретическое замещение предшествующего уровня системы формообразованием. В результате превращения объект заменяется квазиобъектом, чьи неопознанные системные связи заменяются превращенными формами: данная специфическая структура связей заполняется, по-видимому, из свойств действия квазипредмета (по: [7, с. 289–294]).

Известное образное представление соотношения мотива, мысли и языковой формы Л.С. Выготским в виде метафорического сравнения мысли с нависшим облаком, проливающимся дождём слов, мотивацию мысли – с ветром, приводящим в движение облака [1, с.332], думается, также отражает принцип вливания. Метафору можно дополнить идеей о том, что потенциальные (концептуальные) значения представляют собой капли воды или кристаллы льда в облаке, которые, претерпевая перманентные «вливания», служат основой для формирования смыслов.

В нашей концепции значимости подобный автономный, отдельный семиозис (облако и дождь отдельные как этапы, при этом не всякое облако результируется в дожде) является основополагающим принципом развития мысли, становления значимости и ее вербального воплощения. Получается, что тот отфильтрованный остаток мыслительно-познавательной деятельности, который выходит во внешнюю речь, является непосредственным продуктом пережитой субъектом значимости, а не абстрактного лексикографического или концептуального значения.

О том, что языковые знаки функционируют как средства идентификации мыслимого, сказано также у В.А. Пищальниковой: это «лишь удобные материальные и вещественные комплексы, фиксирующие наиболее частотные, а следовательно, важные способы познания, приобретённые человечеством в результате интегрирования ассоциативного опыта» [7, с. 284]. А опыт социума, связанный с ассоциированием той или иной реалии, интегрируется в модели определенной ментальной структуры / образования – в психологическом значении, которое включает вербальное значение.

Динамика значения «принципиально обусловлена механизмом языка (речесмыслопорождения), а не характером референциальных связей единиц языка с лингвистической действительностью» [цит. раб., с.189]. Значение – познавательная структура, в связи с чем нестабильность является основным его признаком. Нестабильность обеспечивается индивидуальными, единичными ассоциациями, исследование которых позволяет обнаружить содержания сознания индивида.

Важно далее отметить, что каузацией значимости служит не только внешний, но и сам внутренний мир, о чем обоснованно и последовательно изложено в трудах многих философов и психолингвистов. В частности, согласно И. Канту, в нашем мышлении нет ни реальных субъектов, ни реальных объектов: есть лишь копии копий. Отсутствие

универсального референта в когнитивном пространстве индивида подтверждается принципами психонейрофизиологии речемышления: продукты восприятия интериоризируются не в рамках механистических реактивных схем, а специфическим, т.е. уникальным, образом, где эмоциональные ориентиры, с одной стороны, и целенаправленность на обеспечение будущего поведения, с другой, и создают вектор когнитивной деятельности.

Уникальность и идиоматичность семиозиса обуславливаются цельнокупностью восприятия, категоризации и воспроизведения информации, т.е. «пакетным режимом» одновременной активации сенсорных, моторных, интеллектуальных, модально-волевых, соматических и эмоциональных составляющих. Их разъединение возможно при теоретическом подходе, в реальности имеют место «нетелесная телесность» и «телесная нетелесность» [4, с.117].

В литературе эта закономерность рассматривается Э. Голдбергом (2003) как дистрибутивный (распределенно-градиентный) принцип организации мозга, Л. Барсалу (1999, 2009) – как дистрибутивные перцептуальные, моторные и интроспективные системы. Данный принцип подтверждает идею о единичности переживаемого, с одной стороны, и его целостности, с другой.

То, что ментальное поведение не является детерминистической реакцией на внешние стимулы, или ответом на прошлое событие, а является когнитивной *подготовкой* последующего действия, или, другими словами, то, что активация нейрона носит *предрезультатный*, а не *постстимульный*, характер, также подтверждается на нейрофизиологическом уровне (см. работы Ю.И. Александрова, П.К. Анохина).

В связи с этим вспомним идею Л.С. Выготского о том, что всякая мысль рождается, из *некоторого конфликта*, в связи с чем она решает определенную задачу [1], или идею Ч. Пирса о том, что деятельность мышления возбуждается *раздражением, вызванным сомнением*, и прекращается, когда достигается верование (по: [6, с.10]), и она осуществляется в форме «диалога между различными фазами Я», или эссе У. Эко о 28 значениях розы.

Из всего сказанного становится очевидным то, что в актуальном семиозисе участвует не референциальное значение, а интегрируются в целостное переживание сущности в виде *признаков* референта или обновляемой *системы связей и отношений* с референтом, т.е. субъективные характеристики – суть продукты когнитивной обработки познанного и помысленного относительно референта (исключением является только стадия раннего онтогенеза, когда независимые от предметной отнесенности значения формируются у ребенка позже).

Мы признаем, что номиналистическая и референциальная теория, теория прототипа и знака, согласно которым существует прямая

связь между знаком и миром, имеют определенную востребованность, поскольку лингвистика есть наука, порождающая для удобства анализа семантики теории высокой степени абстракции. В этом плане лингвистика не может не быть системой теорий. Но наше убеждение заключается в том, что относительно онтологии речи идеализации должны быть «с оглядкой» на естественные науки, иначе многочисленные теории, приписывающие значению и знаку самостоятельность и самодостаточность, так и не дадут нам отказаться от «иллюзии наивного реализма» (в терминах А. Эйнштейна – «плебейской»).

Подытожим сказанное. Есть все основания считать, что знание формируется как совокупность пережитых значимостей, уже хранящихся теперь в виде данностей до тех пор, пока эти значимости не реагируют в иной ситуации с иным «вливанием» смыслов.

Наша теория значения также направлена на то, чтобы снять с термина «значение» семантическую перегруженность, такую перегруженность, которая, с одной стороны, позволяет постулировать противоречащие друг другу идеи, и, с другой, никак не служит облегчению понимания семиотического процесса.

Рассматривая актуальный семиозис как переживаемую значимость и как выход во внешнюю речь той ее части, которая проходит психологический (прагматический) «фильтр», мы выявляем типы взаимоотношений между составляющими, их динамику и статику, степень вносимого ими вклада в общий процесс естественного семиозиса. Основным аргументом *за* такое представление значимости является нейроанатомический и -физиологический принцип изолированного друг от друга «хранения» и производства языковой формы и семантических сущностей.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Мышление и речь [Текст] / Л.С. Выготский ; общ. ред. Г.Н. Шелогуровой.– 5-е изд., испр.– М. : Изд-во «Лабиринт», 1999.– 352 с.
2. Гуссерль Э. Исследования по феноменологии и теории познания [Текст] / Э. Гуссерль // Избранные работы. – М. : Территория будущего, 2005. – С. 75–184.
3. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избр. тр. [Текст] / А.А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
4. Залевская А.А. Одна из актуальных проблем современной психолингвистики [Текст] / А.А. Залевская // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи : сб. науч. работ к 70-летию со дня рождения А.А. Леонтьева / ред. Т.В. Ахутиной, Д.А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2008. – С. 105–126.

5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. Н.В. Перцова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.
6. Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс [Текст] / В. Нёт ; пер. с нем. Н. Сироткина // Критика и семиотика. – 2001. – Вып. 3–4. – С. 5–32.
7. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики : курс лекций в 2 ч. [Текст] / В.А. Пищальникова. – 2-е изд. – М., 2007. – Ч. 1. – 296 с.
8. Хайдеггер М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина. – Харьков : Фолио, 2003. – 503 с.

TO LIGHT THE “REALM OF SHADOWS”: THEORY OF MEANINGFUL MEANING

P.P. Dashinimaeva

Buryat State University, Ulan-Ude

The article focuses on the theory of meaning as the theory of cognitive relevance experienced by individual. Originality of this presentation is founded in a psychoneurolinguistic approach to the study.

Keywords: *meaning, relevance, the experienced, actual semiosis, psychoneurolinguistic, lexicographic, language sign, exterior speech.*

Об авторе:

ДАШИНИМАЕВА Полина Пурбуевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации Бурятского государственного университета, email: polinadash58@mail.ru.